

УДК 811.161.1'36
doi 10.17072/2073-6681-2024-2-39-49

EDN PKJPM

«Она ни разу не Золушка»: об одной сравнительно-оценочной конструкции современной русской речи

*Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 22-18-00189
«Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»)*

Татьяна Леонидовна Колосовская

аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб., 7/9. kolosovskaya.tatjana@yandex.ru

SPIN-код: 9333-1163

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-9675-2826>

ResearcherID: JAC-0499-2023

Статья поступила в редакцию 01.09.2023

Одобрена после рецензирования 19.10.2023

Принята к публикации 15.01.2024

Информация для цитирования

Колосовская Т. Л. «Она ни разу не Золушка»: об одной сравнительно-оценочной конструкции современной русской речи // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 2. С. 39–49. doi 10.17072/2073-6681-2024-2-39-49. EDN PKJPM

Аннотация. Внимание в статье сосредоточено на фразеологизированной сравнительно-оценочной синтаксической конструкции <Р ни разу не N₁> (*Только падчерица была ни разу не Золушка и спать в ящике с золой себе не позволяла*): описывается функционирование данной конструкции в современной речи и выявляются ее характерные особенности. В структуре этой конструкции обязательно присутствуют два объекта сравнения, поэтому после фразеологизированного элемента *ни разу не* не может стоять глагол. В ходе сравнения объект Р подвергается оценке на фоне N₁. Конструкция может нести как оценочное (*Я, конечно, ни разу не писатель*), так и сравнительно-оценочное значение (*Паттинсон, имхо, вообще ни разу не Дюруа*). Особенностью сравнительной семы является имплицитное и эксплицитное выражение признака сопоставления. Частотны случаи использования в качестве одного из объектов фигуры автора. Более того, синтаксическая схема не ограничивается видом <Р ни разу не N₁>: найден ряд «расширителей», способных варьировать конструкцию. Самым распространенным таким элементом является наречие *вообще* (*Гонконг вообще ни разу не Лондон*). В комбинации с рассматриваемой единицей носители русского языка нередко используют вводные слова и словосочетания, которые выражают отношение говорящего к сказанному. Выявлены случаи употребления следующих разрядов вводных единиц: достоверности, эмоции и оценки стиля высказывания. Рассматриваемая конструкция представляет собой грамматическую основу предложения, в которой именная часть сказуемого выражена существительным в именительном падеже (N₁), поэтому среди «расширителей» встречаются частицы *вот* и *это*.

Ключевые слова: синтаксическая конструкция; имплицитный и эксплицитный признак сравнения; вводное слово; фразеологизированность; экспрессивный синтаксис.

Введение

В фокусе настоящего исследования находится фразеологизированная синтаксическая конструкция $\langle P \text{ ни разу не } N_1 \rangle$, имеющая в современной речи сравнительно-оценочное значение. *Исследовательская задача* работы заключается в классификации собранного материала с точки зрения структуры и семантики конструкции, поиске и анализе примеров с данной конструкцией, предполагающей оценку и сравнение двух объектов.

Основными *методами* исследования являются описательный, корпусный, а также структурно-семантический и контекстный анализ. С описанием связаны создание пользовательского подкорпуса, характеристика, систематизация и анализ выявленного материала, а также теоретические обобщения и выводы, ср.: «описание может варьировать в широких пределах от простых первичных наблюдений до утверждений как следствия утонченного, теоретического осмысленного описания» [Харвей 1974: 77]. Корпусный метод заключается в поиске и сборе материала на основе русскоязычных баз данных с достаточно большим объемом информации. Структурно-семантический анализ основан на определении смысла языковой единицы и ее структуры, а контекстный – на изучении функционирования отдельных единиц в тексте.

Пользовательский подкорпус настоящей работы включает иллюстрации из газетного подкорпуса (ГП) Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [<http://www.ruscorpora.ru>] и выборки комментариев из социальных сетей Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ) [<http://www.webcorpora.ru>]. Выборка производилась путем поиска устойчивого элемента конструкции *ни разу не*. Из огромного числа найденных контекстов для исследования было отобрано 209 примеров, в которых есть нужные слоты конструкции, а также оценочно-сравнительное значение. После этого применялся контекстный анализ, необходимый для изучения функциональной специфики конструкции и единиц, включенных в нее, а также зависимости значения синтаксической конструкции от контекста. Все примеры представляют собой имитацию живой русской речи и в той или иной степени отражают особенности реальной устной речи. Г. Я. Солганик и Т. В. Чернышова отмечают, что динамизм и изменчивость, связанные с демократизацией современного общества, возникшая «дробная, фрагментарная, мозаичная картина мира», сформированная журналистами, – главные свойства современной публицистики [Солганик 2005: 21], которые проявляются «в языковой раскованности: наряду с нейтральной

лексикой, характерной для советской публицистики, активно используются разговорные, просторечные, грубо-просторечные, а нередко непристойные языковые единицы» [Чернышова 2003: 15].

По мнению Г. Н. Трофимовой, «язык, попадая в новые условия существования, связанные с компьютерными и информационными технологиями, реагирует на них, подстраиваясь под нужды виртуального сообщества, с одной стороны, и воздействуя на них – с другой» [Трофимова 2011: 72]. Очевидно, что интернет-язык самым тесным образом связан с разговорной речью носителей языка, так как отражает наиболее общие речевые формулы и навыки пользователей. При этом реализацию «эмоционально-стилистической традиции публицистики» следует соотносить не только с лексикой, но и с синтаксической организацией текста, так как структура предложения, реализация стилистических приемов, использование различных единиц синтаксиса, таких как «риторические вопросы, вопросно-ответные комплексы, вставные, параллельные синтаксические конструкции, лексические повторы, синонимические ряды, а также другие конструкции экспрессивного синтаксиса», используемые автором, воздействуют на читателя или говорящего и усиливают убедительность доводов [Патроева 2018: 188–189]¹. Н. В. Патроева подробно анализирует все названные выше синтаксические конструкции как экспрессивные средства художественной литературы и отмечает, что они используются в различных функциях в том числе и в публицистических текстах. Ср. также: «В связи со своей языковой природой, экспрессивность действует через механизмы языка, но ее эффект проявляется только в речи, выходя за рамки слова и словосочетания в текст. <...> Следовательно, элементы экспрессии следует искать в тех формах речи, которые направлены на преднамеренное воздействие, т. е. в художественных и публицистических текстах» [Чу Цзинжу 2022: 42–43]. Добавим еще, что, по мнению Е. М. Галкиной-Федорук, экспрессивность выступает как «средство речи, которое делает ее выразительной, воздействующей, изобразительной и впечатляющей» [Галкина-Федорук 1958: 107], а В. И. Шаховский определяет экспрессивность как «целенаправленное усиление высказывания различными языковыми средствами, рассчитанное на определенную реакцию адресата, то есть на желаемое воздействие от сказанного» [Шаховский 1987: 58].

Одним из таких экспрессивных средств языка и является рассматриваемая в настоящей работе сравнительно-оценочная конструкция $\langle P \text{ ни разу}$

не N_1). Ср.: «Как в отдельном слове, так и в целом высказывании, содержащем оценку, оценочный и дескриптивный компоненты представляют собой диалектическое единство» [Вольф 2002: 24–29].

О конструкциях в русском языке

В нашем исследовании в качестве рабочего принимается определение конструкции, данное А. Голдберг в работе “Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure” («Конструкции: грамматический подход к структуре аргументов») и принятое Е. В. Рахилиной и Ю. Л. Кузнецовой: *C is a CONSTRUCTION if C is a form-meaning pair (Fi, Si) such that some aspect of Fi or some aspect of Si is not strictly predictable from C's component parts or from other previously established constructions*² [Goldberg 1995: 4].

Ч. Филмор с коллегами в работе «Регулярность и идиоматичность в грамматических конструкциях: случай Let alone» выделяет свойства конструкции, на которые в последующем будут опираться все российские и зарубежные исследователи [Fillmore, Kay, O'Connor 1988]:

– в конструкцию могут включаться и лексические единицы;

– конструкции содержат элементы, отношения между которыми не обязательно жестко фиксированы, они имеют возможность свободного комбинирования в предложении с другими элементами;

– конструкции могут определять не только синтаксические, но и лексические, семантические, прагматические параметры;

– конструкции обладают определенной степенью идиоматичности, но семантика конструкции оказывается более широкой по сравнению с семантикой отдельных, составляющих ее элементов [цит. по: Ягунова, Пивоварова 2011: 568].

По мнению И. Н. Кайгородовой, подобные единицы подвергаются синтаксической фразеологизации, предполагающей «сложный диахронический процесс, сущность которого состоит в асимметричном сочетании слов, когда план выражения, образованный по законам синтаксиса, не соответствует семантической целостности плана содержания» [Кайгородова 1999: 30–31]. Такие единицы приобретают определенную фразеологизированность, так как «в конструкциях, построенных по фразеологизированной синтаксической схеме, значения опорных слов оказываются сдвинутыми» [Шмелев 1976: 134–136]. Как следствие, в семантической системе свободных синтаксических структур появляется «фразеологический компонент, который превращает свободные структуры во фразеологизированные» [Посиделова 2012: 170].

Н. Ю. Шведова подробно разбирает гибкость компонентов в составе фразеологизированных конструкций. Существует достаточно много структур, в которых есть обязательный элемент, лексически ограниченный или незаменимый. Такими элементами могут быть, например, междометия или междометные сочетания: *Ах Моська!* – первый элемент устойчив. Кроме того, существуют «многие синтаксически нерасчленимые соединения двух полнозначных слов: *сидит пишет, пойду погляжу, взять да и отказаться*» [Шведова 1958: 93].

Более того, в русском языке распространены конструкции, в которых присутствует лексически, категориально или формально ограниченный второй компонент, например *Ах он мошенник*. Междометие здесь обязательно, второй компонент категориально ограничен, потому что это должно быть непременно местоимение. Третий же компонент ограничен не только категориально, но и лексически, так как «это или существительное, называющее лицо по отрицательному (реже – положительному) признаку, или прилагательное с оценочно-характеризующим значением, или, наконец, сочетание “оместоименивающегося” существительного с определяющим его прилагательным» [Шведова 1958: 94].

По утверждению В. В. Посиделовой, семантику фразеологизированной конструкции составляют несколько семантических линий, которые смешиваются, создавая таким образом их сложную комбинацию. Очевидно, что есть основная семантическая линия, она выражена эксплицитно. К ней примыкают дополнительные линии, выраженные имплицитно. Наличие подобных линий и их смешение способствуют более адекватной передаче говорящим различных смысловых оттенков [Посиделова 2012: 170].

О воздействии конструкций на речь и собеседника писал также Ю. Я. Бурмистрович: «фразеосхема (фразеомодель) выступает в качестве дисциплинирующего начала, тем самым помогая говорящему, во-первых, в мыслительной деятельности по лексическому наполнению схемы с целью создания новых синтаксических фразеологических единиц, во-вторых, в достижении быстрого взаимопонимания с другими людьми при введении в речь данных единиц» [Бурмистрович 1982: 20].

Рассматриваемая в настоящей работе конструкция $\langle P \text{ ни разу не } N_1 \rangle$ является определенно фразеологизированной и имеет различные слоты: с одной стороны – устойчивый и обязательный элемент *ни разу не*, с другой – категориально ограниченные объекты P и N_1 .

Результаты проведенного анализа

Употребления вне конструкции

В большинстве случаев наречие *ни разу не* сочетается с глаголами, выступая в значении 'никогда не' (Ушаков 1939: 1112), ср.:

- 1) *Искушайте/ [аплодисменты] отдохните/ а потом один день. Вы же нас давно знаете. Мы же с вами уже двадцать пять лет. Мы же вас ни разу не обманули!* (Г. Явлинский. Выступление на XIX съезде партии «Яблоко» // 2016);
- 2) *Его взяли на Олимпиаду в 72-м, но он ни разу не вышел на площадку, сидел на скамейке. И осталась обида...* (В. Хесина. Легендарный баскетболист Иван Едешко: бизнес и деньги понемногу убивают всё // Аргументы и факты, 2020).

В контекстах (1), (2) выражается невозможность какого-то действия: *не обманывали никогда, не вышел на площадку на Олимпиаде.*

Семантика конструкции

<P ни разу не N₁>

Как только в примерах начинает проследиваться сравнительная семантика, сочетание с закрепленным и привычным значением порождает конструкцию <P ни разу не N₁>, ставшую объектом настоящего исследования. Кроме появления иного толкования, у этой единицы исчезает возможность сочетаемости с глаголами. Таким образом, после данной конструкции в тексте следует имя существительное, которое выступает в роли одного из объектов сравнения. Более того, у конструкции есть разновидности, поэтому она может быть разного типа. Так, в речи функционирует оценочно-сравнительная конструкция, ср.:

- 3) *И разумеется, неизменным атрибутом любого бронированного «лимузина» являются специальные шины, которые по идее не боятся проколов, повреждений или даже выстрелов из оружия. У «семерки» BMW они тоже имеются, а поставяет по крышки компания Michelin. Задача таких шин не только сохранить возможность мобильность, но и справиться с немалым весом автомобиля: все-таки BMW 7 серии High Security ни разу не пушинка. Общей вес составляет 3825 кг, из них около полутора тонн – это броня (Посчитали-прослезилась: меняем шины на бронированном BMW 7 серии // Vesti.ru, 2015.08)³.*

В примере (3) есть два объекта сравнения, характерные для рассматриваемой конструкции: P (первый объект) – *BMW 7 серии High Security*, N₁ (второй объект) – *пушинка*. Сопоставительный признак заключается в весе сравниваемых

предметов. Объект P при этом оценивается на фоне сравнения с N₁.

- 4) *Исход войны... На мой взгляд – вот совсем хиленьких дракончиков используют. Ни разу не Дрэгонлэнс или там «Власть огня», ну или ацкий южнокорейский фильм (Вконтакте // 2015).*

В данном случае в центре сравнения и оценки P – *дракон*, N₁ представлен тремя разными объектами: дракон из фантастической вселенной DragonLance, дракон из фильма «Власть огня», а также дракон из какого-то южнокорейского фильма. Автор не конкретизирует, из какого именно, но даже без этой информации из коммуникативной ситуации вполне очевидно, что один из объектов (P) не может сравниться с другим (N₁), а точнее – с другими, так как является более маленьким и хилым. Признак сопоставления и оценки в данном случае прослеживается в коммуникативной ситуации.

Этот признак может быть выражен как эксплицитно, так и имплицитно.

- 5) *Так вот Серёжа или, точнее сказать – Серёга, – милый, прекрасный, добрый парень, человек всяческих достоинств – именно такой «дядька». Ни разу не Брюс Уиллис фигурой. Но готовый помочь и ничего не требовать взамен. Надёжный, добрый, весёлый, компанейский (Т. Соломатина. Девять месяцев, или Комедия женских положений, 2010);*
- 6) *Жить бы там точно не хотел. Ростов-на-Дону (который ни разу не Питер по красоте) и то в разы, если не... (Вконтакте // 2014).*

В примерах (5) и (6) явно (эксплицитно) выражен признак сравнения и оценки, который стоит сразу же за конструкцией, тесно к ней примыкая (в контекстах подчеркнуто). Этот признак обычно представляет некий стереотип, связанный с другим объектом, который может быть представлен, например, разными онимами. В контекстах фигурируют как имена, так и топонимы: *Серёжа* уступает *Брюсу Уиллису* своей *фигурой*, так же как *Ростов* не может сравниться с *Питером* своей *красотой*.

- 7) *Катю Пушкиреву помните? Вот она к нам подходит. Только волосы совсем седые, а в очках стекла толщиной... как у космических иллюминаторов. И еще горб. И улыбка... ни разу не Джоконды. И говорит она только по-французски, хихикает, кивает, улыбаются (http://m.livejournal.com/read/user/_kaina_/932438 // _kaina_, 2012);*
- 8) *Теперь о фильме. Во-первых, Пиркс. При всём моём уважении, Сергей Десницкий ни*

разу не мой Пиркс. Но это, конечно, субъективное мнение, и его я изложу отдельным постом (http://m.livejournal.com/read/user/oglala_sioux/77508 // oglala_sioux, 2013).

В примере (7) признак сравнения и оценки имплицитен. Сопоставление основывается только на фигуре *Джоконды*, которая является вторым объектом сравнения и связана с некими закрепленными стереотипами. Один из них основан на улыбке, легкой и блуждающей. Сопоставление объектов в данном случае можно провести только на базе общеизвестной культурной информации.

Более сложный случай наблюдаем в контексте (8). Трудность восприятия заключается в том, что признак, из-за которого *Пиркс*, придуманный автором комментария (*мой Пиркс*), лучше *Пиркса*, сыгранного *Сергеем Десницким*, неизвестен. Но контекст и использованная в нем конструкция $\langle P \text{ ни разу не } N_1 \rangle$ указывают на превосходство N_1 даже с имплицитным признаком.

С другой стороны, у большей части контекстов с рассматриваемой конструкцией в семантике присутствует лишь оценка. В таких примерах значение можно передать через условную формулу $\langle X \text{ не как } Y \rangle$, $\langle X \text{ не похож на } Y \rangle$, ср.:

9) Татьяна: *Я помню, что 5 апреля, ложась спать, мы говорили, что вот скоро отдохнем. Дима еще сказал: «Пока будем ждать такси, посмотрим Star Trek («Звездный путь» – ред.)». «И знаешь что? Это ни разу не фантастика!», – сказал он. Мы засмеялись и заснули* (В. Челищева. Что этот божий одуванчик здесь делает? // Новая газета, 2018.02).

Никакой сравнительной семантики в примере (9) нет, так как перед нами представлен всего один объект. То, что в синтаксической схеме $\langle P \text{ ни разу не } N_1 \rangle$ обозначено как N_1 , в случае оценочной конструкции является неким стандартом, на основании стереотипных признаков которого дается оценка объекту P . Поэтому P – фильм «Звездный путь», а N_1 – фантастика как жанр кино. Фильм *Star Trek* («Звездный путь») снят в жанре фантастики, как заявлено его создателями. Для декодирования контекста следует провести сопоставительный анализ: выявить отличительные признаки жанра, какие-то стереотипы, оценить их и понять, что этих признаков в представленном фильме нет. Таким образом, конструкция $\langle P \text{ ни разу не } N_1 \rangle$ приобретает еще одно значение 'объект не такой, как некий стереотип, по ряду признаков'. Речевые показатели помогают проследить имеющуюся оценку: *Мы засмеялись и заснули*, потому что фильм совсем не похож на фантастику (*ни разу не фантастика!*).

10) *Девочки, женщины и прочие, документально относящиеся к женскому полу. Я ни разу не психолог, замужем не была, сына не вырастила, но осмелюсь дать совет* (Вконтакте // Москва, 2014).

Похожая ситуация представлена в примере (10). Сочетание *ни разу не* в данном случае усиливает оценочную окраску, акцентируя внимание на том, что объект P не отличается признаками, присущими психологу (N_1), так как им не является.

Особенностью таких речевых ситуаций является тот факт, что объектом оценки выступает говорящий или пишущий, поэтому в контекстах часто встречается местоимение *я*, ср.:

11) *Ночью надо спать, а не придумывать себе татушки!)) P.S. Я ни разу не художник, и эти лапки начали получаться только к концу...* (Вконтакте // 2014);

12) *Я ни разу не агент, но опыт покупки-продажи квартир имею сполна. Это вам не скажет ни один агент недвижимости. Цель его – продать товар и всё.* (http://m.livejournal.com/read/user/koralina_scaz22/14262 // koralina_scaz22, 2013).

В примерах (11), (12) видно, как авторы с помощью рассматриваемой конструкции пытаются снять с себя часть ответственности и выставить себя в лучшем свете, чем могло бы быть. Проводя сравнение с художником и агентом, пишущие всячески подчеркивают, что никакими признаками, присущими данным объектам, они не обладают, но при этом у них все получается и выполняют они работу на должном уровне.

Возможные «расширители» конструкции

Компоненты единицы $\langle P \text{ ни разу не } N_1 \rangle$ не являются жестко фиксированными, закрепленными, так как конструкция способна расширяться за счет дополнительных элементов (в контекстах подчеркнуты), ср.:

13) *Тебе, той самой волшебной музы и неисчерпаемого источника сил! Я ни разу не вип вообще, но сейчас присоединяюсь к фанатам и подписываюсь под каждым словом.* (Вконтакте // 2014);

14) *Паттинсон, имхо, вообще ни разу не Дюруа. Какой из него милый друг может получится?... А вот «Пиратов» возьму на заметку. Я люблю мультики.* (<http://m.livejournal.com/read/user/aelitin/127261/comments/p1> // smilla24, 2012);

15) *Само собой, лучший ттоfps – это Metal Gear Online, но так как он на самом деле ни разу не fps и вообще про другое, то не*

буду я здесь про него писать. (<http://m.livejournal.com/read/user/golergka/360656> // golergka, 2009).

Наиболее распространенным «расширителем» конструкции оказывается наречие *вообще*, содержащееся в контекстах (13), (14). Именно оно усиливает сравнительный признак, демонстрируя превосходство N_1 над P , а также «выражает правдоподобность, действительность сказанного, и одновременно – предельность качества» [Колосовская, Богданова-Бегларян 2021: 30].

Важно отметить, что все эти единицы являются все же лишь условными «расширителями», так как вопрос о том, входят ли они в состав рассматриваемой конструкции или просто стоят рядом с ней, остается пока открытым.

Заметим также, что интенсифицирующее значение, свойственное наречию *вообще*, присутствует уже и в форме *ни разу не*, включающей в себя двойное отрицание и ставшей основой рассматриваемой конструкции. Добавление *вообще*, таким образом, лишь усиливает выражаемое этой формой отрицание, создавая ситуацию *двойной интенсификации*⁴.

В наибольшей степени мысль об относительности выявленных «расширителей» относится к примерам с вводными единицами (словами и конструкциями) (в контекстах ниже подчеркнуты). Для участников речевой ситуации такие единицы важны как функционально-прагматическое средство, а также, как отмечает Т. В. Шмелева, для обеспечения правильного понимания текста и соблюдения логических правил речевого общения [Шмелева 1988: 28], ср.:

- 16) *А вот в связи с Fade'ом вспомнилась забавная деталь про сегодняшний рекламный пост о книге-альбоме "Celistic" в chitaem knigi. По аннотации оно, правда, ни разу не заявленный киберпанк (но мало ли?), зато очень приятная на первый взгляд графика.* (<http://m.livejournal.com/read/user/knyazna/49363> // knyazna, 2011);
- 17) *Я, конечно, ни разу не писатель. Но текстов в свое время (да и сейчас бывает) через мои руки прошло множество. Поэтому тараканы процветают.* (http://m.livejournal.com/read/user/daiyan_19/365534/comments/p4 // ulybnutaja, 2013);
- 18) *Я обожаю фильмы продюсерской компании Джерри Брукхаймера за «смотрибельность») вот честно, я ни разу не геймер, не знаю, чем сюжет фильма отличается от игры, но я в полном восторге от киношки!* (http://m.livejournal.com/read/user/zilver_vos/2545 // zilver_vos, 2010).

В примерах (16)–(18) присутствуют вводные слова *правда, конечно, вот честно*, необходимые

говорящему для подчеркивания достоверности передаваемой информации. В пользовательском подкорпусе преобладают именно такие вводные единицы, обозначающие разную степень уверенности говорящего в сообщаемом. Примеров, в которых фигурировали бы вводные конструкции, обозначающие предположение или сомнение, обнаружено не было.

В контексте (19) используется вводное слово *к сожалению*, обозначающее сожаление, грусть и относящееся к группе единиц со значением эмоций:

- 19) *Да мне приблизительно. +2 нормально, не очень холодно. Жаль что на Райнбер только с оборудованием, у меня было желание в сентябре на него забраться, но к сожалению я тоже ни разу не скалолаз.* (<http://m.livejournal.com/read/user/chernenok/90612/comments/p5> // c0ugar, 2012).

В примерах (20), (21) рядом с конструкцией $<P$ ни разу не N_1 присутствует вводная единица *словом*, выражающая оценку стиля высказывания, манеры речи, способа оформления мыслей. С ее помощью говорящий как бы подводит условный коммуникативный итог, ср.:

- 20) *Неудивительно: 34-летний Стине тренируется в Кливленде в обычном зале с неизвестными бойцами (к его чести, стоит отметить, что на его физических кондициях низкий уровень спарринг-партнеров никак не сказывается). Примерный семьянин: любит жену, не замешан в скандалах, конфликтах, на пресс-конференциях не бравурует, пожимает соперникам руки и даже ни разу не запустил в будущего оппонента стулом или бутылкой. Словом, ни разу не Конор Макгрегор.* (Р. Салахетдинов. Пожарный против Цыгана и непобедимая полячка // lenta.ru, 2017.05);
- 21) *Наконец, сюрпризом стала интеллектуальная технология рекуперативной подзарядки Smart Regenerative Charging, которую на таком автомобиле, как Freelander 2, ожидаешь встретить меньше всего. Эта система следит за тем, чтобы генератор заряжал аккумулятор по возможности только при снижении скорости автомобиля, преобразуя кинетическую энергию, а не расходуя топливо. Словом, хотя Freelander 2 ни разу не гибрид, такая система у него тоже есть.* (А. Сердечнов. Эксперт по инновациям: знакомимся с обновленным Land Rover Freelander 2 // РБК Дейли, 2012.12).

Выбор вводных слов и конструкций в том или ином контексте не случаен, он зависит от многих

факторов: типа речи, жанра, окраски текста. Понимание этого обогащает речевую практику носителя языка [Газаева 2017].

Рассматриваемая конструкция входит в грамматическую основу предложения. Один объект (Р) является подлежащим, другой (N_1) – компонентом составного сказуемого. Частотными «расширителями» в таких контекстах являются также частицы *это* и *вот*, ср.:

- 22) *Поверила в собственное отчаянное мужество в фильме. А муж вот ни разу не актер оказался. Как ни пытался изобразить беспощадного гестаповца, все портит* (<http://m.livejournal.com/read/user/mijgona/12354> // mijgona, 2013);
- 23) *В самом слове «миловидная» нет ничего криминального, но, мужчины, – это ни разу не комплимент для женщины. Это слово применительно в случае, когда...* (Вконтакте // 2015);
- 24) *Очень актуально для современных шопоголиков White sales – это ни разу не дискриминация по цвету кожи. Это просто расхожее обозначение распродаж постельного* (Вконтакте // 2014).

Думается, что частицы такого типа можно с большей уверенностью признать компонентами («расширителями») рассматриваемой конструкции, хотя и они входят, скорее, в структуру сказуемого, а не в состав конструкции.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ указывает на появление в современной русской речи, с одной стороны, оценочной, с другой – оценочно-сравнительной конструкции $\langle P \text{ ни разу не } N_1 \rangle$, в состав которой входят компоненты Р и N_1 и закрепленный элемент *ни разу не*.

При оценочно-сравнительной конструкции признак сопоставления первого и второго объектов выражается эксплицитно или имплицитно. В случае оценочной конструкции второй объект N_1 является лишь стандартом, на основании стереотипных признаков которого дается оценка объекту Р.

Как уже было отмечено, в состав конструкции входят не обязательно жестко фиксированные элементы. Синтаксическая конструкция подразумевает варьирующиеся слоты, без включения которых невозможно появление конкретной конструкции как таковой. Таким образом, в синтаксической схеме $\langle P \text{ ни разу не } N_1 \rangle$ важен не только элемент *ни разу не*, но и категориально ограниченные объекты Р и N_1 . Более того, выявленные предположительные «расширители» в виде наречий, вводных слов, частиц и местоимений также могут рассматриваться как условные компонен-

ты конструкции, если привносят какой-то оттенок для передачи нужного значения или реализуют определенную функцию для обеспечения правильного понимания текста.

Проведенный семантический и синтаксический анализ функционирования сравнительно-оценочной конструкции $\langle P \text{ ни разу не } N_1 \rangle$ позволяет сделать вывод, что материалы настоящего исследования могут привнести что-то новое или уточнить уже имеющиеся сведения в области семантики и экспрессивного синтаксиса. Кроме того, полученные результаты могут быть положены в основу различных спецкурсов и спецсеминаров по коллоквиалистике, а также лекций по современному русскому языку, в том числе русскому языку как иностранному.

Примечания

¹ Петербургские исследователи, говоря об экспрессивном синтаксисе, описывают три ступени вхождения устных конструкций в письменный текст: на первой ступени полностью копируются конструкции устного синтаксиса (характерны спонтанность, неподготовленность, ситуативность и диалогичность) в речи персонажей; на втором этапе задачи пишущего состоят не столько в имитировании устной речи, сколько в воздействии на адресата, усилении авторского начала, поэтому в авторской речи возникают конструкции экспрессивного синтаксиса, создающие разного рода подтекст (*парцелляция* чаще всего связана с иронией; *вопросительные и восклицательные предложения* в монологической речи передают несобственно-прямую речь и усиливают дополнительный субъективный план; *риторические вопросы* теряют первичную вопросительную функцию и становятся стилистико-синтаксическим приемом; на последней ступени отмечается стилистический сдвиг, нейтрализующий экспрессивный оттенок некоторых конструкций, в результате чего формируется ряд *синтаксических клише* и *устойчивых выражений*) [Акимова и др. 2013: 625–631]. По мнению Г. Н. Акимовой, конструкции экспрессивного синтаксиса порождаются именно письменной речью и базируются на синтаксической расчлененности, то есть на нарушении синтагматической цепочки словоформ, организованных стойкими морфологическими показателями синтаксических связей [Акимова 1997: 123].

² «Языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [перевод – Рахилина, Кузнецова 2010].

³ Контексты приводятся в оригинальном виде, без правки любых авторских погрешностей.

⁴ Подобное двойное усиление можно наблюдать и в ряде других, относительно новых для повседневной коммуникации, конструкций, которые также можно отнести к средствам экспрессивного синтаксиса: *совсем от слова совсем* (*С тобой рядом совсем не страшно... #от слова совсем*) [Локалина 2022] и *как раз таки* (*Вот как раз-таки хотела сказать... спросить о митингах*) [Богданова-Бегларян 2023]. Очевидно, что список таких средств в современной русской речи активно пополняется и требует отдельного исследовательского внимания.

Список источников

Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ). URL: <http://www.webcorpora.ru> (дата обращения: 15.06.2023).

Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.06.2023).

Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1939. 1423 с.

Список литературы

Акимова Г. Н. Соотношение разговорных и письменных экспрессивных конструкций в современном русском языке // Исследования по славянским языкам. 1997. № 2. С. 123–142.

Акимова Г. Н. и др. Синтаксис современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков, Д. В. Руднев; под ред. С. В. Вяткиной. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2013. 712 с.

Богданова-Бегларян Н. В. КАК РАЗ ТАКИ как маркер двойного усиления: роль в современной русской речи и место на шкале неопределенности / конкретности // Русское языкознание и литературоведение – 2022: сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. (15–17 декабря 2022 г. Тайбэй – Новосибирск). Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2023. С. 9–18.

Бурмистрович Ю. Я. Образование фразеологизмов как ономаσιологический процесс, осуществляемый по модели (на материале субстантивных фразем русского языка): дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 1982. 245 с.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.

Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. М.: Наука, 1958. С. 103–124.

Газаева Л. В. Изучение функционально-семантических классификаций вводных конструкций русского языка // Мир науки, культуры, образования. 2017. Т. 3(64). С. 109–111.

Кайгородова И. Н. Проблемы синтаксической идиоматики (на материале русского языка). Астрахань: Изд-во АГУ, 1999. 94 с.

Колосовская Т. Л., Богданова-Бегларян Н. В. Насколько <N₁ ОТДЫХАЕТ>? (о вариативности одной синтаксической модели в русской устной речи) // Социо- и психолингвистические исследования. 2021. № 9. С. 27–34.

Локалина Ю. С. Интенсификация в языке и речи на примере наречия *СОВСЕМ* // Социо- и психолингвистические исследования. 2022. № 10. С. 59–62.

Посиделова В. В. Проблемы синтаксической фразеологизации в системе русского языка // Филологические науки в России и за рубежом: материалы I Междунар. науч. конф. СПб.: Реноме, 2012. С. 168–170.

Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Конструкции в Грамматике конструкций // Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. С. 19–24.

Солганик Г. Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики: сб. ст. / сост. Г. Я. Солганик. М.: Флинта: Наука, 2005. С. 13–30.

Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: РУДН, 2011. 436 с.

Харвей Д. Научное объяснение в географии. М.: Прогресс, 1974. 504 с.

Чернышова Т. В. Современный публицистический дискурс (коммуникативно-стилистический аспект): учеб. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 178 с.

Чу Цзинжу. Эмоционально-экспрессивные синтаксические ресурсы в русских публицистических текстах на фоне китайских публицистических текстов: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2022. 331 с.

Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 190 с.

Шведова Н. Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи // Вопросы языкознания. 1958. № 2. С. 95–100.

Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М.: Наука, 1976. 257 с.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис. Красноярск, 1988. 53 с.

Ягунова Е. В., Пивоварова Л. М. От коллокаций к конструкциям // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Ин-та лингвистических исследований РАН. Т. 10. Ч. 2. Русский язык: граммати-

ка конструкций и лексикосемантические подходы. СПб.: Наука, 2014. С. 568–617.

Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let alone // *Language*. 1988. Vol. 64(3). P. 501–538.

Goldberg A. E. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995. 280 p.

References

Akimova G. N. Sootnoshenie razgovornykh i pis'mennykh ekspressivnykh konstruktivnykh v sovremennom russkom yazyke [The ratio of spoken and written expressive constructions in modern Russian]. *Issledovaniya po slavyanskim yazykam* [Research on Slavic Languages], Seoul, 1997, issue 2, pp. 123–142. (In Russ.)

Akimova G. N. et al. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [The Syntax of the Modern Russian Language]: a textbook for institutions of higher educational of the Russian Federation]. Ed. by S. V. Vyatkin. St. Petersburg, Philological Faculty of St. Petersburg State University Press, 2013. 712 p. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarian N. V. KAK RAZ TAKI kak marker dvoynogo usileniya: rol' v sovremennoy russkoy rechi i mesto na shkale neopredelennosti / konkretnosti [KAK RAZ TAKI as a marker of double amplification: A role in modern Russian speech and a place on the scale of uncertainty / concreteness]. *Russkoe yazykoznanie i literaturovedenie – 2022* [Russian Linguistics and Literary Studies – 2022]: a collection of articles of the 6th International Scientific and Practical Conference (December 15–17, 2022. Taipei – Novosibirsk). Novosibirsk, Novosibirsk State Technical University Press, 2023, pp. 9–18. (In Russ.)

Burmistrovich Yu. Ya. *Obrazovanie frazeologizmov kak onomasiologicheskiy protsess, osushchestvlyаемый по модели (na materiale substantivnykh frazem russkogo yazyka)*. Diss. kand. filol. nauk [The formation of phraseological units as an onomasiological process carried out according to the model (based on the material of substantive phrasemes of the Russian language) Cand. philol. sci. diss.]. Abakan, 1982. 245 p. (In Russ.)

Wolf E. M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. 2nd exp. ed. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. 280 p. (In Russ.)

Galkina-Fedoruk E. M. Ob ekspressivnosti i emotsional'nosti v yazyke [On the expressiveness and emotionality in the language]. *Sbornik statey po yazykoznaniiyu* [A Collection of Articles on Linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1958, pp. 103–124. (In Russ.)

Gazaeva L. V. Izuchenie funktsional'no-semanticheskikh klassifikatsiy vvodnykh konstruktivnykh russkogo yazyka [Studying functional-and-semantic classifications of introductory constructions of the Russian language]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], 2017, vol. 3(64), pp. 109–111. (In Russ.)

Kaygorodova I. N. *Problemy sintaksicheskoy idiomatiki* [Problems of Syntactic Idiomatistics (based on the material of the Russian language)]. Astrakhan, Astrakhan State University Press, 1999. 94 p. (In Russ.)

Kolosovskaya T. L., Bogdanova-Beglarian N. V. Naskol'ko <N₁ OTDYKHAET>? (o variativnosti odnoy sintaksicheskoy modeli v russkoy ustnoy rechi) [How much <N₁ IS RESTING>? (on the variability of one syntactic model in Russian speech)] *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* [Socio-Psycholinguistic Studies], 2021, issue 9, pp. 27–34. (In Russ.)

Lokalina Yu. S. Intensifikatsiya v yazyke i rechi na primere narechiya SOVSEM [Intensification in language and speech by the example of the adverb SOVSEM]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* [Socio-Psycholinguistic Studies], 2022, issue 10, pp. 59–62. (In Russ.)

Posidelova V. V. Problemy sintaksicheskoy frazeologizatsii v sisteme russkogo yazyka [Problems of syntactic phraseologization in the system of the Russian language]. *Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom* [Philological Sciences in Russia and Abroad]: proceedings of the 1st International Scientific Conference. St. Petersburg, Renome Publ., 2012, pp. 168–170. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Kuznetsova Yu. L. Konstruktivnykh v Grammatike konstruktivnykh [Constructions in the Grammar of constructions]. *Lingvistika konstruktivnykh* [The Linguistics of Constructions]. Ed. by E. V. Rakhilina. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010, pp. 19–24. (In Russ.)

Solganik G. Ya. O strukture i vazhneyshikh parametrokh publitsisticheskoy rechi (yazyka SMI) [On the structure and the most important parameters of journalistic speech (the language of mass media)]. *Yazyk sovremennoy publitsistiki* [The Language of Modern Journalism]: a collection of articles. Comp. by G. Ya. Solganik. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2005, pp. 13–30. (In Russ.)

Trofimova G. N. *Yazykovoy vkus internet-epokhi v Rossii. Funktsionirovanie russkogo yazyka v Internet: kontseptual'no-sushchnostnye dominanty* [The linguistic taste of the Internet age in Russia. Functioning of the Russian language on the Internet: Conceptually essential dominants]: a monograph. 2nd rev. and exp. ed. Moscow, RUDN University Press, 2011. 436 p. (In Russ.)

Kharvey D. *Nauchnoe ob'yasnenie v geografii* [Scientific Explanation in Geography]. Moscow, Progress Publ., 1974. 504 p. (In Russ.)

Chernyshova T. V. *Sovremennyy publitsisticheskyy diskurs (kommunikativno-stilisticheskyy aspekt)* [Modern journalistic discourse (communicative-and-stylistic aspect): a textbook. Barnaul, Altai State University Press, 2003. 178 p. (In Russ.)

Chu Jingru. *Emotsional'no-ekspressivnye sintaksicheskie resursy v russkikh publitsisticheskikh tekstakh na fone kitayskikh publitsisticheskikh tekstov*. Diss. kand. filol. nauk [Emotional and expressive syntactic resources in Russian journalistic texts against the background of Chinese journalistic texts. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2022. 331 p. (In Russ.)

Shakhovskiy V. I. *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of emotions in the lexico-semantic system of language]. Voronezh, Voronezh State University Press, 1987. 190 p. (In Russ.)

Shvedova N. Yu. *O nekotorykh tipakh frazeologizirovannykh konstruksiy v stroe russkoy razgovornoy rechi* [On some types of phraseologized con-

structions in the structure of Russian colloquial speech]. *Voprosy yazykoznaneya* [Topics in the Study of Language], 1958, issue 2, pp. 95–100. (In Russ.)

Shmelev D. N. *Sintaksicheskaya chlenimost' vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke* [Syntactic Segmentability of an Utterance in Modern Russian]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 257 p. (In Russ.)

Shmeleva T. V. *Semanticheskyy sintaksis* [Semantic Syntax]. Krasnoyarsk, 1988. 53 p. (In Russ.)

Yagunova E. V., Pivovarova L. M. *Ot kollokatsii k konstruksiyam* [From collocations to constructions]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 2014, vol. X, pt. 2, pp. 568–617. (In Russ.)

Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of let alone. *Language*, 1988, issue 64(3), pp. 501–538. (In Eng.)

Goldberg A. E. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago, University of Chicago Press, 1995. 280 p. (In Eng.)

‘Ona ni razu ne Zolushka’: on One Comparative-and-Evaluative Construction of Modern Russian Speech

*The presented research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00189
‘The structure and functionality of set multiword units in Russian everyday speech’*

Tatiana L. Kolosovskaya

Postgraduate Student at the Department of Russian Language

St. Petersburg State University

7/9, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation. kolosovskaya.tatjana@yandex.ru

SPIN-code: 9333-1163

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-9675-2826>

ResearcherID: JAC-0499-2023

Submitted 01 Sep 2023

Revised 19 Oct 2023

Accepted 15 Jan 2024

For citation

Kolosovskaya T. L. «Ona ni razu ne Zolushka»: ob odnoy sravnitel'no-otsenochnoy konstruksii sovremennoy russkoy rechi [‘Ona ni razu ne Zolushka’: on One Comparative-and-Evaluative Construction of Modern Russian Speech]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 2, pp. 39–49. doi 10.17072/2073-6681-2024-2-39-49. EDN PKJPM (In Russ.)

Abstract. The study deals with the phraseologized comparative-and-evaluative syntactic construction $\langle P \text{ ni razu ne } N_1 \rangle$ (which can be translated as $\langle P \text{ is not at all } N_1 \rangle$) (*Tol'ko padcheritsa byla ni razu ne Zolushka i spat' v yashchike s zoloz sebe ne pozvol'ala, i. e., But the stepdaughter was not at all Cinderella and did not sleep in a box with cinders*). The paper analyzes the functioning of the construction in modern everyday speech and identifies its characteristic features. In the structure of this construction two objects of comparison are necessarily present, so the verb simply cannot be placed after the phraseologized element *ni razu ne*. During the comparison, object P is evaluated against the background of N_1 . The construction can carry both evaluative (*Ya, konechno, ni razu ne pisatel', i. e., I am definitely not at all a writer*) and comparative-evaluative meaning (*Pattison, imkho, voobshche, ni razu ne D'urua, i. e., IMHO Pattison is not at all Duroy*). The peculiarity of the comparative seme is the implicit and explicit expression of the feature of comparison. Since the construction in question is primarily evaluative, it is common to use the figure of the author as one of the objects. The syntactic scheme is not limited to the form $\langle P \text{ ni razu ne } N_1 \rangle$: the study revealed a number of 'expanders' that can vary the construction. The adverb *voobshche* is the most common such element (*Gonkong voobshche ni razu ne London*). In combination with the unit in question, speakers of the Russian language often use introductory words and word combinations that express the speaker's attitude to what is said. The study revealed the cases of using introductory units of the following types: credibility, emotion, and evaluation of the style of the statement. The considered construction is a grammatical basis of a sentence in which the nominative part of the predicate is expressed by a noun in the nominative case (N_1), so among the 'expanders' there are particles such as *vot* and *eto*.

Key words: syntactic construction; explicit comparison and implicit comparison; introductory word; phraseologization; expressive syntax.